

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «А.Л. ГОЛОВАНЕВСКИЙ. ТЮТЧЕВ – РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ / МОНОГРАФИЯ. – БРЯНСК: «КУРСИВ», 2013. – 292 С.»

Монография Аркадия Леонидовича Голованевского – один из первых опытов, демонстрирующих переход от теоретических разработок в понимании феномена языковой личности (ЯЛ) к практическому созданию языкового портрета выдающегося русского поэта. Глубоко лингвистическая по своей сути, эта книга сочетает в себе методологию когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, поэтики текста, лексикографии и, несомненно, лексической семантики и фразеологии.

Во введении (с. 7) автор справедливо замечает, что портреты ЯЛ известных литераторов можно создавать, располагая словарями их языка. Сам А.Л. Голованевский является составителем «Поэтического словаря Ф.И. Тютчева», опубликованного в Брянском государственном университете в 2009 г. Этот полный толковый словарь языка поэта и широко известные труды Ю.Н. Караулова о ЯЛ составили основу рецензируемой монографии. Уже по её содержанию хорошо видно стремление автора к полноте и многоаспектности в описании предмета исследования. Книга включает шестнадцать разделов, касающихся специфики ономастической лексики в структуре ЯЛ, роли языковой архаики в формировании «русскости» личности Тютчева, особенностей метафоричности поэта, способов выражения говорения как значимого компонента лексико-семантического аспекта ЯЛ, её фразеологической составляющей и т. д. Существенным представляется тезис автора о том, что «Тютчев как ЯЛ раскрывается полнее в сопоставлении и в оценке других ЯЛ, в особенности своих великих современников» (с. 262). Поэтому не случайно включение в монографию разделов, посвящённых взаимовлиянию Тютчева, Достоевского и Толстого.

О каждой из названных сторон исследования можно было бы сказать отдельно, но, ограниченные объёмом сжатой рецензии, мы коснёмся только некоторых из них. Подчеркнём при этом, что А.Л. Голованевский, придерживаясь трёхуровневого построения структуры ЯЛ, разработанной Ю.Н. Карауловым (т. е. структуры, включающей вербально-грамматический, когнитивный и прагматический уровни), в то же время убедительно показывает, что «теоретические представления о построении ЯЛ, как своеобразная схема, не укладываются в практику её создания» (с. 18), когда происходит взаимопроникновение уровней, стирание границ между ними.

Характеристику ЯЛ поэта автор начинает с анализа собственных и нарицательных имён как показателей прецедентности и семантической значимости

текста (раздел II). В монографии приводится полный список имён собственных, извлечённых из поэзии Тютчева, и отдельно фамилии его современников, которым он посвятил свои стихотворения. В работе заостряется вопрос о связи имени и афористики Тютчева, которая в основе своей зиждется на античной, западноевропейской и русской культурной традициях и является собой существенную черту ЯЛ поэта. Здесь особенно ясно видно взаимодействие разных уровней в структуре ЯЛ. Отметим также, что А.Л. Голованевский предпринимает попытку обосновать так называемый афористический тип дефиниций в поэзии Тютчева. К таковым он относит, например, контексты со словом *Любовь* – одной из особо значимых единиц у поэта: *Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье* («В разлуке есть высокое значенье...»), *Сияй, сияй, прощальный свет Любви последней, зари вечерней!* («Последняя любовь»).

Много интересных наблюдений содержит раздел IV, посвящённый понятию архаического у Тютчева. За многочисленными лексическими, семантическими, словообразовательными архаизмами поэта стоит, по мнению А.Л. Голованевского, присущая ему внутренняя «русскость», которая проявлялась как в реставрации, так и в архаизации русской лексики (с. 61–64). Здесь предлагаются объяснения некоторых «загадочных» тютчевских слов – например, существительного *огневица* из стихотворения «Сон на море». Полемизируя с другими исследователями, детально рассматривая семантику и структуру всего стихотворения, автор доказывает наличие у этого слова (с исходным смыслом ‘горячка, лихо-

радка, жар’) специфического значения ‘луна, заря или раннее солнце’.

Значительное место в книге уделяется исследованию собственно когнитивного уровня ЯЛ – системе формирующих его образных средств (разделы VI, VII и др.). Известно, что метафора Тютчева уже давно интересует специалистов (см. работы Ю.Н. Тынянова, А.Д. Григорьевой, Ю.М. Лотмана). Автор монографии пытается не повторять уже сказанного другими, и это ему в целом удаётся. Метафора Тютчева исследуется А.Л. Голованевским по понятийным полям на основе словообразовательных гнезд, состоящих из слов разной частеречной принадлежности. Удачно, на наш взгляд, представлена метафорика *светлого* в противоположность *тёмному*. Так, подробно говоря о роли всего *светлого* у Тютчева, приводя многочисленные «световые» дериваты (*светлеть, светлость, светозарно-голубой, светоносный...*) и показательные примеры из стихотворений, автор заключает: «Радостное, ничем не омрачённое состояние человека отождествляется в антропоморфной метафоре *светлый* ... Противостояние *тёмного* и *светлого* посредством антропоморфной метафоры – одна из особенностей поэтической личности Тютчева» (с. 117, 119).

Синтез единиц разных уровней в различных соотношениях характеризует и политический портрет Тютчева (раздел XIII). Хотя автор выстраивает его исходя из анализа поэтического языка (рассмотрено 40 стихотворений, в стороне остались эпистолярный и публицистика), читатель получает вполне определённое представление о политической ипостаси Тютчева. В её экспликации, как показано в книге,

особенно важны единицы когнитивного и прагматического планов: метафоры, фразеологизмы, афоризмы, уровень оценок, самооценок, предпочтений и т. п. См., к примеру, фрагменты, посвящённые взаимосвязи тем *свобода* и *самодержавие* и соотношению концептов *Запад* и *Восток* у Тютчева (с. 207–212).

Через всё исследование проходит мысль, признанная тютчеведами: стихотворения Тютчева представляют собой единый поэтический текст. Этим во многом определяется и цельность Тютчева как поэтической ЯЛ.

Специально скажем о нетривиальном завершении монографии. А.Л. Голованевский раскрывает свою интересную задумку – создать на материале русской поэзии учебное пособие «Поэтическая лексикология русского языка». Свообразным подступом к нему является раздел XVI, посвящённый практическому выходу исследования (с. 239–253).

Конечно, любое новаторское издание не лишено недостатков и спор-

ных положений. В данном случае они касаются структуры книги (разделы II и III – «Имя собственное...» и «Авторский словарь...» – мы поменяли бы местами, так как изложенные в работе представления об авторском слове примыкают к теоретическим основам её, описанным в разделе I), выделения понятийных полей (не вполне убедительно это сделано на с. 86 в отношении слов *Круг*, *кружиться* при рассмотрении пространственной метафоризации у Тютчева), логики изложения в отдельных частях и некоторых других моментов. В целом же следует признать монографию А.Л. Голованевского успешным опытом создания портрета языковой личности большого русского поэта. Книга будет полезна лингвистам, литературоведам, культурологам, всем, кто изучает язык и творчество Тютчева, любит и ценит русскую поэзию.

Л.Л. Шестакова